

“Война? Она запомнилась по дням.
Все прочее? Оно - по пятилеткам.
Война ударом сабли метким
навсегда развалила сердце нам.”

Борис Слуцкий

Расул Гамзатов
Журавли

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?

Летит, летит по небу клин усталый —
Летит в тумане на исходе дня,
И в том строю есть промежуток малый —
Быть может, это место для меня!

Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьи окликаю
Всех вас, кого оставил на земле.

Арсений Тарковский
СУББОТА, 21 ИЮНЯ

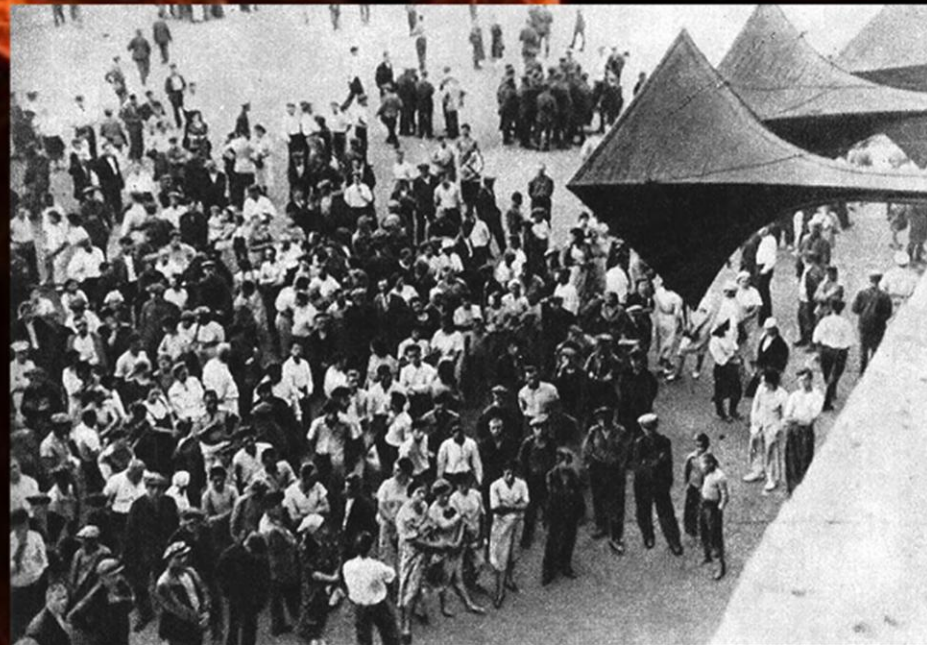
Пусть роют щели хоть под воскресенье.
В моих руках надежда на спасенье.

Как я хотел вернуться в до-войны,
Предупредить, кого убить должны.
Мне вон тому сказать необходимо:
"Иди сюда, и смерть промчится мимо".

Я знаю час, когда начнут войну,
Кто выживет, и кто умрет в плену,
И кто из нас окажется героем,
И кто расстрелян будет перед строем,

И сам я видел вражеских солдат,
Уже заплонивших Сталинград,
И видел я, как русская пехота
Штурмует Бранденбургские ворота.

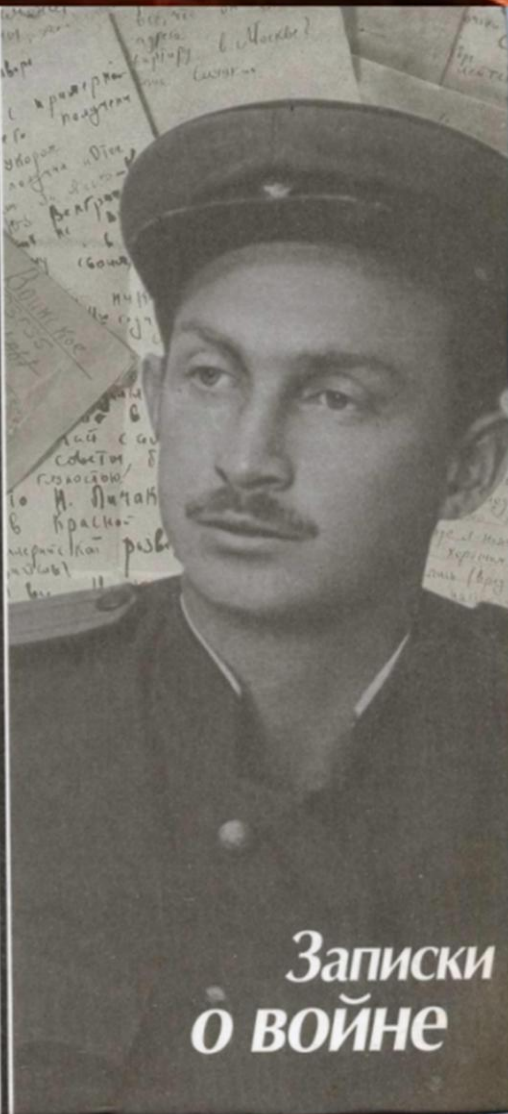
Что до врага, то все известно мне,
Как ни одной разведке на войне.
Я говорю — не слушают, не слышат,
Несут цветы, субботним ветром дышат,

Уходят, пропусков не выдают,
В домашний возвращаются уют.
И я уже не помню сам, откуда
Пришел сюда и что случилось чудо.

Я все забыл. В окне еще светло,
И накрест не заклеено стекло.

БОРИС СЛУЦКИЙ

Записки
о войне

Борис Слуцкий

* * *

Про безымянных, про полузабытых
И про совсем забытых – навсегда,
Про тайных, засекреченных и скрытых,
Про мертвых, про сожженных и убитых,
Про вечных, как огонь или вода,

Я буду говорить, быть может, годы,
Настаивать, твердить и повторять.
Но знаю – списки рядовых свободы
Не переворошить, не исчерпать.

Иная вечность – им не суждена.
Другого долголетия им не будет.
Надев штампованные ордена,
Идут на смерть простые эти люди.

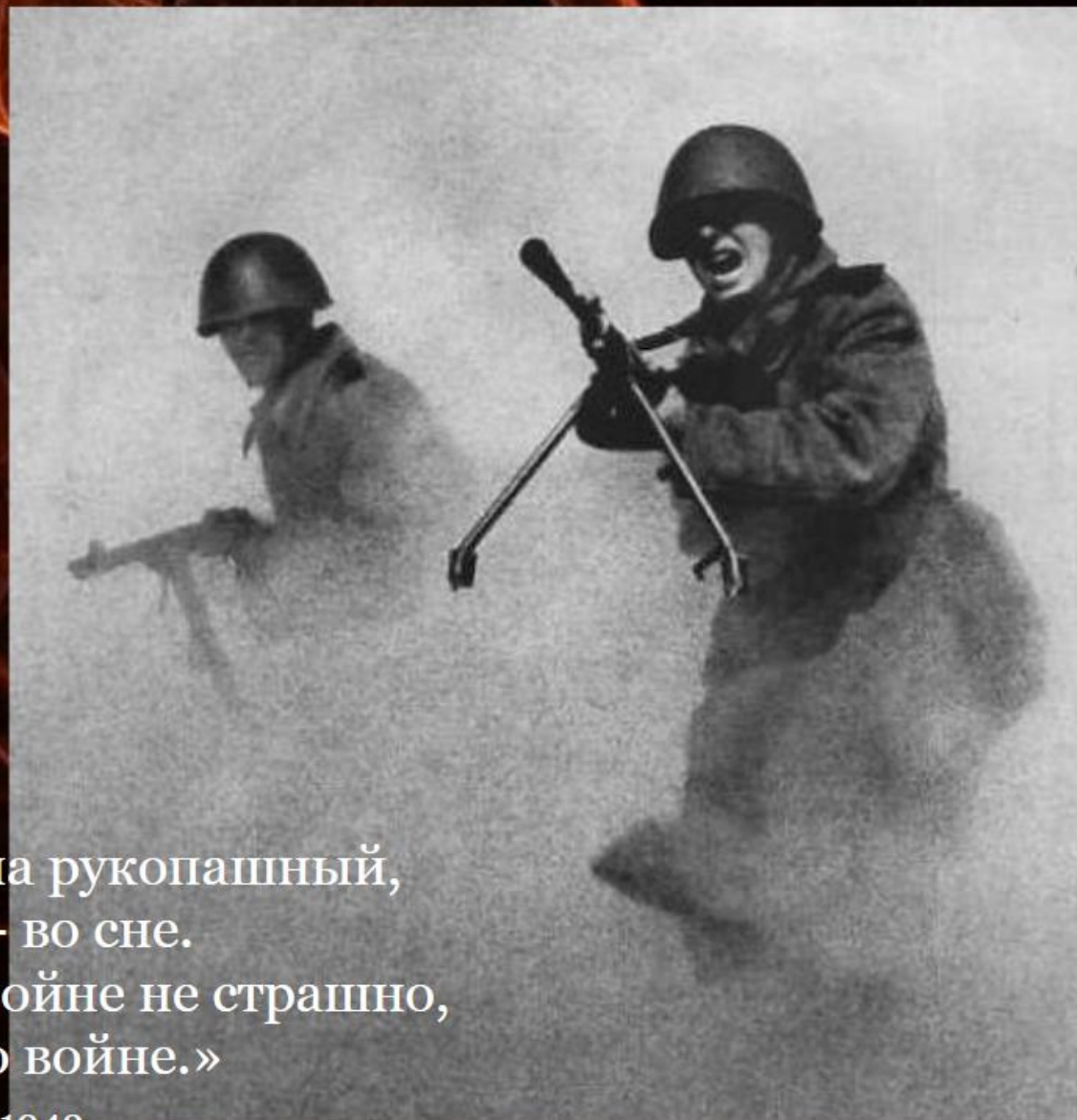
Анна Ахматова

* * *

Важно с девочками простились,
На ходу целовали мать,
Во все новое нарядились,
Как в солдатики шли играть.
Ни плохих, ни хороших, ни средних.
Все они по своим местам,
Где ни первых нет, ни последних...
Все они опочили там.

1943

Юлия Друнина

«Я столько раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу - во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.»

1943

«Когда, забыв присягу, повернули
В бою два автоматчика назад,
Догнали их две маленькие пули --
Всегда стрелял без промаха комбат.

Упали парни, ткнувшись в землю грудью.
А он, шатаясь, побежал вперед.
За этих двух его лишь тот осудит,
Кто никогда не шел на пулемет.

Потом в землянке полкового штаба,
Бумаги молча взяв у старшины,
Писал комбат двум бедным русским бабам,
Что... смертью храбрых пали их сыны.

И сотни раз письмо читала людям
В глухой деревне плачущая мать.
За эту ложь комбата кто осудит?
Никто его не смеет осуждать!»

***

Юлия Друнина

На носилках, около сарая,
На краю отбитого села,
Санитарка шепчет, умирая:
- Я еще, ребята, не жила...

И бойцы вокруг нее толпятся
И не могут ей в глаза смотреть:
Восемнадцать - это
восемнадцать,
Но ко всем неумолима смерть...

Через много лет в глазах
любимой,
Что в его глаза устремлены,
Отблеск зарев, колыханье дыма
Вдруг увидит ветеран войны.

Вздрагнет он и отойдет к окошку,
Закурить пытаюсь на ходу.
Подожди его, жена, немножко -
В сорок первом он сейчас году.

Там, где возле черного сарая,
На краю отбитого села,
Девочка лепечет, умирая:
- Я еще, ребята, не жила...

* * *

Качается рожь несжатая.
Шагают бойцы по ней.
Шагаем и мы - девчата,
Похожие на парней.

Нет, это горят не хаты -
То юность моя в огне...
Идут по войне девчата,
Похожие на парней.

Юлия Друнина

* * *

Целовались.
Плакали
И пели.
Шли в штыки.
И прямо на бегу
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.

Мама!
Мама!
Я дошла до цели...
Но в степи, на волжском берегу,
Девочка в заштопанной шинели
Разбросала руки на снегу.

— Почтальонка, почтальонка,
Тяжела ль тебе сума? —
Тяжела моя сума.
Всё газеты да газеты,
Дотащу ли их сама...

— Почтальонка, почтальонка,
Далеко ль тебе тащить? —
Тяжела моя сума.
Всё журналы да журналы,
Стопудовые тома.

— Почтальонка, почтальонка,
Обошла ли все дома? —
Обошла я все дома,
Разнесла газеты-письма.
Тяжела моя сума.

— Почтальонка, почтальонка,
Ты снимай свою суму. —
Не могу снимать суму.
Там на донце похоронка —
Не могу читать, кому.

Похоронка, похоронка,
Серый камень на груди,
Стопудовый на груди.
Говорила баба Настя:
В почтальонки не ходи...

Дмитрий Сухарев

Стихи из планшета гвардии лейтенанта Иона Дегена

Поэт Ион Деген — танкист-ас во время Великой Отечественной войны, врач-ортопед в мирное время, доктор медицинских наук, поэт и писатель, сейчас проживает в Израиле.

Ушел на войну в шестнадцать лет в 41-м году. После Великой Отечественной войны решил стать врачом. Он спасал жизни на войне и после войны. Дважды представленный к званию Героя Советского Союза, Деген, однако, так и не получил высшей степени отличия СССР...

Ион Деген

* * *

Я не писал фронтовые стихи
В тихом армейском штабе.
Кровь и безумство военных стихий,
Танки на снежных ухабах
Ритм диктовали.
Врывались в стихи
Рванных шрапнелей медузы.
Смерть караулила встречи мои
С малоприветливой Музой.
Слышал я строф ненаписанных высь,
Танком утюжа траншеи.

Многие ветераны считают это стихотворение о войне лучшим, Евтушенко сказал, что эти восемь строчек гениальны и ошеломляют жестокой силой правды.

Ион Деген

* * *

«Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка, лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.

Ты не плачь, не стони, ты не маленький.
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки,
Нам ещё наступать предстоит...»

Ион Деген

* * *

Есть у моих товарищей танкистов,
Не верящих в святую мощь брони,
Беззвучная молитва атеистов:
- Помилуй, пронеси и сохрани.

Стыдясь друг друга и себя немного,
Пред боем, как и прежде на Руси,
Безбожники покорно просят Бога:
- Помилуй, сохрани и пронеси.

Сентябрь 1944 г.

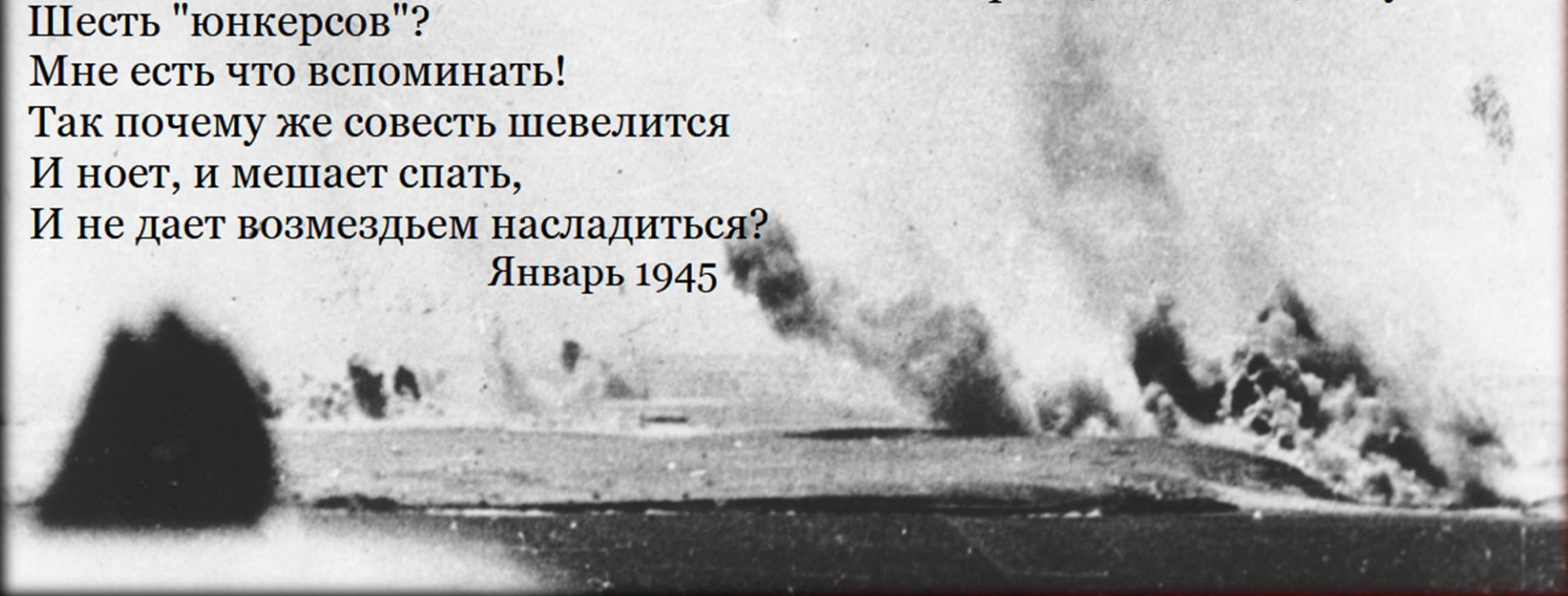
УЩЕРБНАЯ СОВЕСТЬ *Ион Деген*

Шесть "юнкерсов" бомбили эшелон
Хозяйственно, спокойно, деловито.
Рожала женщина, глуша старухи стон,
Желавшей вместо внука быть убитой.

Шесть "юнкерсов"... Я к памяти взывал.
Когда мой танк, зверея, проутюжил
Колонну беженцев - костей и мяса вал,
И таял снег в крови, в дымящих лужах.

Шесть "юнкерсов"?
Мне есть что вспоминать!
Так почему же совесть шевелится
И ноет, и мешает спать,
И не дает возмездьем насладиться?

Январь 1945

ПЕРЕД АТАКОЙ

Когда на смерть идут — поют,
а перед этим можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки.

Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв — и умирает друг.
И значит — смерть проходит мимо.

Сейчас настанет мой черед,
За мной одним идет охота.
Будь проклят сорок первый год —
ты, вмерзшая в снега пехота.

Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв — и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.

Семен Гудзенко

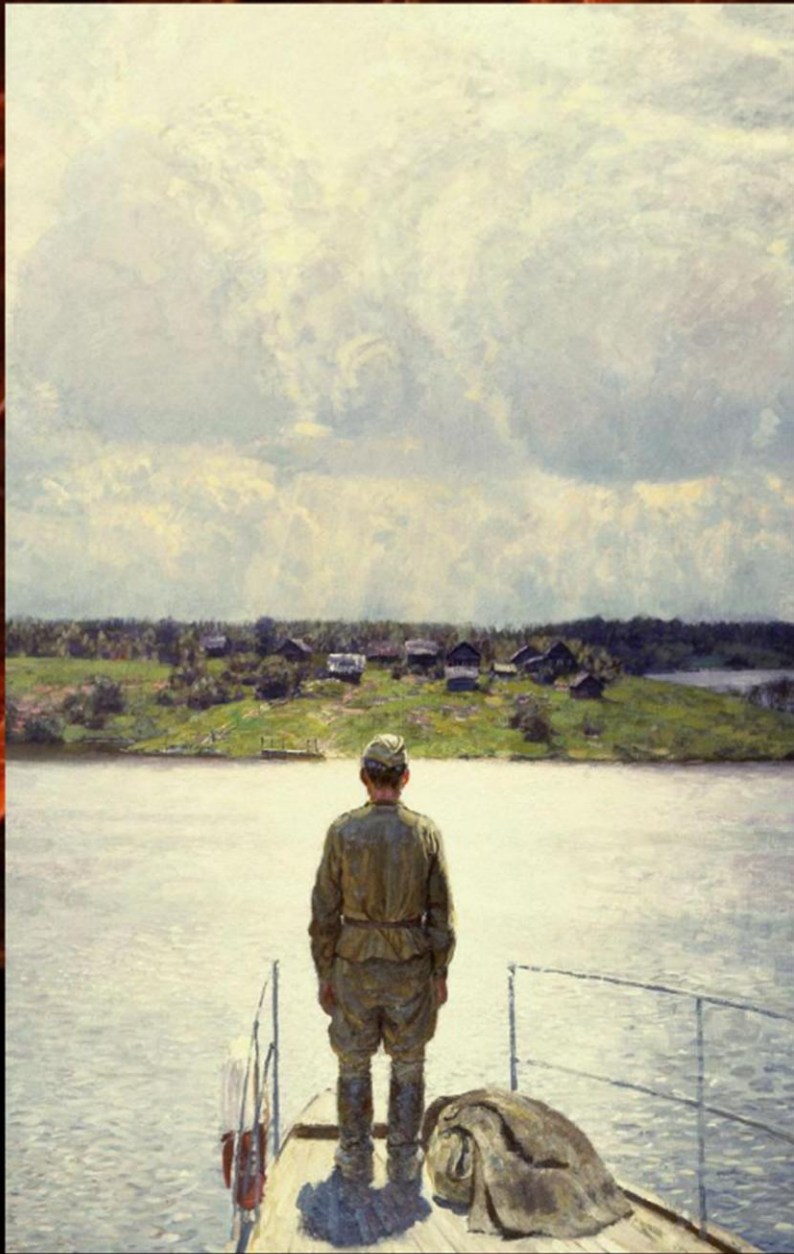
В. Щеглов «За Родину»

Но мы уже не в силах ждать.
И нас ведет через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шеи.

Бой был короткий. А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей я кровь чужую.

1942

Борис Слуцкий
**В ШЕСТЬ ЧАСОВ УТРА ПОСЛЕ
ВОЙНЫ**

Убили самых смелых, самых лучших,
А тихие и слабые - спаслись.
По проволоке, ржавой и колючей,
Сползает плющ, карабкается ввысь.
Кукушка от зари и до зари
Кукует годы командиру взвода
И в первый раз за все четыре года
Не лжет ему, а правду говорит.

Победу я отпраздновал вчера.
И вот сегодня, в шесть часов утра
После победы и всего почета -
Пылает солнце, не жалея сил.
Над сорока миллионами могил
Восходит солнце,
не знающее счета.

* * *

Признаться в том давно уже пора,
Что медленнее прочих наши реки.
Для нас война закончилась вчера,
Для европейцев — словно в прошлом веке.
Нам позабыть о ней не суждено,
Как будто в жизни нет иных забот нам, —
Со всех сторон нас обложили плотно
Газеты, телевиденье, кино.
Для нас одних почти уже полвека
Всё тянутся разор и нищета,
Всё за спиной её маячит вежа, —
Кому за это предъявлять счета?

А. Городницкий

Былые раны вылечив вполне,
Клокочет мир новорождённой силой.
Лишь мы твердим с покорностью унылой:
"Война, войны, войною, о войне".
И кто тому действительно виной,
Что, выиграв кровавые сраженья,
Мы в мирной жизни терпим пораженья,
Их объясняя давнею войной?

1988

Вечный огонь

Я вижу сверканье штыков
И снега декабрьского вату.
Мальчишки гвардейских полков
Выходят на площадь к Сенату.

И падает вздыбленный конь,
И сгусток над тонкою бровью,
И полночи белой огонь
Пылает у их изголовья.

Я вижу, как ветер, устав,
Тяжёлые стяги полощет.
Мальчишки рабочих застав
Идут на Дворцовую площадь.

Булыжник звенит под ногой,
Но гибель — победы условие.
На Марсовом поле огонь
Пылает у их изголовья.

Сирены прерывистый гуд
Велит отодвинуть тетрадки,
И снова мальчишки идут
В окопы у Средней Рогатки.

И танка ломается бронь
Над пеплом, пропитанным кровью.
На братских могилах огонь
Пылает у их изголовья.

А. Городницкий

